

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЖАНРОВУЮ НОРМУ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Поставлено питання про критерії виокремлення жанрової норми наукової рецензії з позиції жанрознавства, розглянуто вплив екстралінгвістичних чинників і конвенцій дискурсивної спільноти на динаміку зміни жанрової норми.

Ключові слова: наукова рецензія, жанрова норма, жанрознавство, екстралінгвістичний чинник, конвенції дискурсивної спільноти.

Поставлен вопрос о критериях выделения жанровой нормы научной рецензии с позиций жанроведения, рассмотрено влияние экстралингвистических факторов и конвенций дискурсивного сообщества на динамику изменения жанровой нормы.

Ключевые слова: научная рецензия, жанровая норма, жанроведение, экстралингвистический фактор, конвенции дискурсивного сообщества.

The article deals with the research of the criteria of distinguishing of the genre norm of the scientific review from the perspective of genre studies. It is considered that extra-linguistic factors and conventions of the discourse community influence the dynamics of the genre norm variation.

Keywords: scientific review, genre norm, genre studies, extra-linguistic factor, conventions of discourse community.

Современное языкознание постоянно расширяет горизонты исследований. Разработки в области теории речевых жанров обусловили интерес ученых к проблематике научного общения в свете нового коммуникативно-прагматического подхода. Изучение жанров научной речи как особых моделей институционального дискурса является ценным вкладом в понимание феномена речевого жанра и коммуникативной деятельности в целом.

Определение категории жанровой нормы научной рецензии, особенностей ее реализации в зависимости от экстралингвистических факторов и конвенций научного сообщества представляется важной составляющей анализа данного жанра, что и обусловило *актуальность* выбранной проблематики. *Цель* настоящей статьи – проследить динамику изменения жанровой нормы в течение тридцати лет и обозначить специфику ее выражения в научных рецензиях гуманитарного дискурса. Материалом для исследования послужили тексты рецензий, опубликованные в академических изданиях «Вопросы языкознания» и «Вопросы литературы» (далее – ВЯ и ВЛ) в период с 1980 по 2010 годы. Корпус проанализированных текстов был отобран методом сплошной выборки, который, по словам Т. В. Яхонтовой, «дозволяє виявити реальну картину жанрової структури у її повторюваності і варіативності» [7, с. 128].

Интерес к жанру научной рецензии вызван его востребованностью в стремительно развивающемся современном обществе. Постоянное увеличение объема информационного потока требует структурирования научного знания, вычленения наиболее значимых для научной среды участков дискурса. Такую функцию выполняет научная критика, которая «составляет важную часть науки, так как помогает поддерживать в целостности терминосистему науки, а также сохранять тождество посылок науки и образа научного предмета» [6, с. 235].

Научная рецензия является давно сложившимся речевым жанром с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста [3, с. 259]. При этом

использование языковых средств автором рецензии подчинено общим требованиям, предъявляемым к научной речи – отвлеченность, объективность, точность и логичность изложения. Главным образом, выбор тех или иных языковых средств согласовывается с «системой норм, дифференцированных применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения» [5, с. 305], то есть с исторически выработанными конвенциями определенного культурного или профессионального сообщества, воплощаемыми в дискурсе.

Наряду с реализацией условия соответствия научному тексту, рецензия чутко реагирует на преобразования в социальной, политической, культурной сферах, и видоизменяется согласно с прагматическими установками, коммуникативными целями и жанровыми предписаниями, действующими в научном мире.

Перемещение плана изучения нормы из собственно языковой, системной области в сферу коммуникации вызвано пониманием данной категории не как структурного свойства языковой системы, а как социально обусловленного способа организации речевой деятельности. Так, Л. П. Крысин предлагает говорить о категории нормы с позиций коммуникативной толерантности, являющейся, на его взгляд, основополагающим принципом современного общества. Коммуникативная толерантность как особая категория проявляется на всех языковых уровнях и понимается исследователем как «использование вариативных средств языка в зависимости от коммуникативных целей, которые преследует говорящий в тех или иных условиях общения» [4, с. 175], что позволяет заявлять об экстралингвистических предпосылках формирования жанровой нормы.

Отличительной особенностью научной рецензии в ряду других жанров научного дискурса является максимальное проявление образа автора. Оценочная модальность данного жанра речи, заключающая в себе онтологическое значение субъективности, диктует проявление личности автора, несущего ответственность за объективность и правильность критической оценки. Следовательно, необходимость реализации языковой личности в тексте рецензии входит в поле жанровой нормы и обусловлена коммуникативной целью – дать оценку месту и роли нового знания в системе уже существующего.

Иллюстрацией к данному утверждению является использование формы первого лица единственного числа глагола и личного местоимения «я» в текстах рецензий, что не воспринимается адресатом как нарушение норм научной речи. Негласный запрет на употребление в научном тексте подобных средств экспликации языковой личности будет соблюдаться рецензентами при условии его соответствия коммуникативным задачам, поставленным перед собой автором: *Несомненные достоинства, которые я вижу в книге К. Аймермахера, не означают отсутствие в ней спорных вопросов. На мой взгляд, профессор Аймермахер слишком серьезно относится к противостоянию Наркомпроса и Отдела печати ЦК (ВЛ. – № 1. – 2000. – С. 351); Сразу замечу, что такой представительный корпус, безусловно, отвечает этой цели, но одновременно возникает вопрос о критериях и методологических основаниях отбора и интерпретации материала (ВЯ. – № 2. – 2010. – С. 129).*

Таким образом, жанровая норма допускает эксплицитное выражение авторского «я», тем не менее была обнаружена связь между частотностью использования таких средств и типом издания – рецензенты ВЯ не в такой мере, как авторы ВЛ, склонны к активной экспликации личности говорящего.

Не меньшее влияние на выбор способа выражения личности автора оказывает и год публикации рецензии. Рецензенты 80-х годов XX века, сообразуясь с социальной установкой на коллективизм, в целом создают тексты, ориентированные на традицию советской науки, и выражают критическое мнение от лица на-

учной общественности: *Однако нам представляется все же, что типологический анализ можно было бы провести на более широком фактическом материале* (ВЛ. – № 1. – 1984. – С. 224); *Но скажем сразу – он освещен и объяснен не вполне: здесь не хватает, на наши взгляд, точной историко-литературной перспективы* (ВЛ. – № 2. – 1984. – С. 243).

Вместе с тем замечено, что частотность использования местоимения «я» и формы первого лица единственного числа глагола увеличивается по мере приближения к рубежу 1990-х годов: *Главка «На грани образа и понятия», думаю, совсем не получилась* (ВЛ. – № 4. – 1984. – С. 256); *Я лично боюсь термина «производственный роман»* (ВЛ. – № 3. – 1984. – С. 263).

Напряженная социальная ситуация 90-х годов XX века, смена общественно-го уклада и начало процесса интеграции российской науки в мировое сообщество способствовали усилению наметившихся в 80-е годы тенденций изменения жанровой нормы за счет наложения двух традиций – коммуникативной установки научного дискурса советской эпохи на выражение мнения коллектива и традиции европейского индивидуализма. В текстах научных рецензий в равной мере обнаруживаются эксплицитные и имплицитные средства выражения личности автора. Сравним, например: *На эти трех участниках действия, разыгрываемого под девизом «Мир – это война», я хочу задержаться подробнее* (ВЛ. – № 2. – 1995. – С. 347); *О проштудированных мною четырех томах буду говорить ... отдельно о каждом* (ВЛ. – № 6. – 1996. – С. 335); *Я бы назвал стихи Елены Владимировой единственным проявлением сопротивления «распятым»* (ВЛ. – № 6. – 1999. – С. 333) и *Не будем, однако, торопиться с оценками* (ВЛ. – № 7. – 1991. – С. 221); *Помимо названной обзорной статьи, мы находим в этой главе очерки о прозе Ф. Соллогуба, В. Розанова, М. Пришвина и И. Бунина* (ВЛ. – № 2. – 1996. – С. 349).

Естественно, что основной коммуникативной задачей, стоящей перед рецензентом, остается объективность изложенного мнения. Однако тенденция к оценке научной работы на основе личного опыта рецензента, базирующегося на знаниях в рецензируемой области, главенствует над констатацией общепринятых взглядов на предмет анализа.

При выборе языковых средств автор научной рецензии ориентируется на состоявшийся набор высказываний, языковых стереотипов, позволяющий адекватно реализовать жанровую цель. Например, для жанра научной рецензии нормативным является использование вводных слов и словосочетаний, выражающих категорию оценочности: *К моему глубокому сожалению, следует сказать, что Джеймсу Кларксону сделать это по большей части не удалось* (ВЯ. – № 2. – 2010. – С. 124); *Вслед за Якобсоном автор продолжает искать опору дистинктивных свойств фонем в акустических и артикуляционных коррелятах соответствующих сегментов речевого сигнала (в теории наоборот!)* (ВЯ. – № 5. – 1981. – С. 138); *К сожалению, в работе отсутствует библиография* (ВЯ. – № 4. – 1993. – С. 148).

Предписываемыми существующими нормативными установками рассматриваются также наличие в тексте рецензии собственно оценочных лексических и грамматических форм: *В этой связи досадно, что автор, видимо, не знаком с работой* (ВЯ. – № 2. – 2010. – С. 142); *На наш взгляд, для такой реконструкции нет достаточных оснований* (ВЯ. – № 1. – 1995. – С. 159); *Авторы названных работ убедительно показывают, что реалисты рубежа веков развивают и эксплицируют многое из того, что в виде скрытых или по-своему реализованных возможностей уже присутствовало в классике* (ВЛ. – № 2. – 1996. – С. 121); синтаксических конструкций с цитацией, способствующих пониманию адресатом того, что оценка является объективной и подкреплена фактическим материалом из рецензируемого издания: *И хотя дальше он утверждал как будто обратное, что*

«Цветаеву нельзя не любить», тем не менее этому пуанту веришь с трудом, вернее, совсем не веришь (ВЛ. – № 2. – 2003. – С. 347); *В соответствии с этим «общая семантика занимается смысловыми механизмами и операциями»* (ВЯ. – 1995. – № 1. – С. 154); *Вместо этого – довольно неопрятные «размышления»*. Порой – банальные: *«Ранняя зрелость Лермонтова непостижима»* (с. 137); *«Некрасов вечен над всеми переменами вкуса»* (с. 154), порой – претенциозные: *«В имени Державина слышится слово «ржавый», и оно напоминает о державе»* (ВЛ. – 2009. – № 2. – С. 477).

Коммуникативные и языковые нормы создания речевых жанров, существующие в сознании участников научного дискурса, «регулируют не только план выражения речи, как это иногда считают, но и план содержания – не только как, какими словами, но и также о чем и что рекомендуется (или не рекомендуется) говорить или писать в данной коммуникативной ситуации» [1, с. 34], следовательно, несоблюдение этих условий будет восприниматься как нарушение нормы. Например, *«Афины и Ерусалим» – это вопрос вопросов, в прошлом году я специально ездил в Грецию, чтобы уяснить его для себя. Ответа я не нашел, потому что не искал его, и не уверен, что он существует* (ВЛ. – № 4. – 1990. – С. 262). Данное сообщение выбивается из общего контекста рецензии и воспринимается как избыточное в плане содержания.

Следует также отметить, что дестабилизация жанровой нормы проявилась на фоне общей либерализации речи в 90-е годы XX века и нашла выражение в использовании информации, не представляющей строго научного интереса, активном насыщении научной речи элементами, характерными для других дискурсов – публицистического, литературного, разговорного: *Перед нами скетч, образчик турбинской эссеистики* (ВЛ. – № 9–10. – 1991. – С. 261); *При выпуске этой книги составителям вновь аукнулось их еврейство* (ВЛ. – № 1. – 2000. – С. 354); *Долгое время его настороженно обходили и «тамиздат» и «самиздат»* (ВЛ. – № 3. – 2001. – С. 329); *Сдается мне, что в главе об антикрасноречии Померанц сам иногда впадает в красноречие, «упражняется в мышлении», а не работает над коаном, неразрешимой задачей в практике дзэн* (ВЛ. – № 4. – 1990. – С. 262); *Кундера неоднократно издевался над «профессорским стебом», состряпанным из обрывков новомодных теорий вперемешку со старомодными* (ВЛ. – № 6. – 2006. – С. 341).

Тем не менее соблюдение жанровой нормы является основополагающим, но не обязательным для тех участников коммуникативного процесса, которые овладели навыками использования речевых жанров, присущих определенной научной среде. Как отмечает исследователь Т. В. Яхонтова, «досвідчений учений створюю такі тексти, які найповніше відповідають вимогам цього жанру й очікуванням членів спільноти <...>. Водночас провідні вчені <...> можуть іноді досить вільно поводитись з жанрами, долати певну формалізованість їх конвенцій і навіть модифікувати самі жанри» [7, с. 79]. Сознательное нарушение жанровой нормы нередко обусловлено спецификой коммуникативных задач, стоящих перед рецензентом. Использование нетрадиционных для научного текста языковых средств, при условии высокого уровня коммуникативной компетенции автора, выполняет функцию привлечения внимания, выражения авторской позиции, иронии, языковой игры: *Подобная «у-вортливость» дерриданства, его то ли освобождающая, то ли неототалитарная «открытость» нуждается во взвешенном научном анализе* (ВЛ. – № 9–10. – 1991. – С. 269).

Вариативность жанровой нормы, ее динамичность, изменчивость отчетливо наблюдается в различиях текстовых реализаций жанровой модели. Показательной

иллюстрацией к данному утверждению является использование в текстах рецензий ВЛ такого элемента художественного дискурса как эпиграф:

*Герои, скитальцы морей
альбатросы,
Застольные гости громовых
пиров,
Орлиное племя, матросы,
матросы
Вам песня поэта, вам слава
веков! –
писал в первый год революции Вл. Кириллов (ВЛ. – № 2. – 1981. – С. 255);
Непонятность есть только следствие
непонимания: оно ищет то,
что уже имеет, и тем самым
ничего больше найти не может.
Новалис (ВЛ. – № 2. – 1981. – С. 271);
Хор граждан
Горе! Горе!
М. Цветаева «Ариадна» (ВЛ. – № 5. – 2003. – С. 317).*

Языковая реализация жанровой модели определяется в первую очередь коммуникативной установкой автора, связанной с достижением коммуникативной цели жанра наиболее приемлемыми для конкретного дискурсивного сообщества способами. Включение инородных дискурсивных элементов в тексты рецензий литературоведческой направленности является, наряду с другими, одним из средств достижения этой цели. В то же время предмет анализа лингвистических рецензий не требует использования такого средства выразительности. В исследованном материале не было обнаружено ни одного случая использования эпиграфа.

Несомненным нарушением жанровой нормы будет считаться отсутствие разветвленной системы ссылок и сносок на рецензируемый труд и на ряд значимых научных работ, так как в них реализуется категория интертекстуальности, являющаяся жанрообразующей для научной рецензии. Значимость указанной категории для данного жанра речи прослеживается в тенденции к увеличению количества интертекстуальных элементов в тексте. С их помощью научная рецензия реализует интертекстуальные связи с предтекстом, а также интегрирует текст рецензии в систему научного знания. Сопоставление рецензируемого текста с другими, сходными по тематике работами, является основой для критического анализа, подкрепленного конкретными исследованиями и мнением самого рецензента. Особенности использования внутритекстовых ссылок и ссылок в рецензиях ВЯ и ВЛ определяются спецификой коммуникативных задач. Рецензенты ВЛ чаще авторов рецензий ВЯ прибегают к ссылкам и сноскам для аргументации собственного мнения либо для сообщения читателю фоновых знаний; авторы рецензий ВЯ предпочитают использовать ссылки информативного характера.

В связи с этим следует отметить, что в ВЯ с 1980 года, кроме привычной системы внутритекстовых ссылок и сносок внизу страницы, после текста рецензии располагается список литературы. Если в 80-е годы лишь некоторые авторы размещают список литературы после рецензии, количество используемых трудов колеблется в пределах 8–10, тексты преимущественно составляют работы русскоязычных авторов, а также переведенные труды классиков зарубежной филологии, то в 90-е годы наблюдается системное использование данного элемента – практически все авторы вводят список литературы в структуру рецензии, списки наполняются зарубежными изданиями на языке оригинала. В 2000-е годы, на наш взгляд, разме-

щение списка литературы становится обязательным элементом, а количество упоминаемых работ достигает 60–70 единиц. Авторы в равной мере отсылают читателя как к работам зарубежных ученых, так и исследованиям отечественных авторов, что существенно расширяет круг интертекстуальных связей текста рецензии и интегрирует его (а через него и адресата) в мировой научный контекст.

Специального рассмотрения требует вопрос о влиянии на формирование жанровой нормы такого существенного экстралингвистического фактора как социально-политические реалии. В тестах рецензий 80-х – начала 90-х годов отчетливо прослеживается тенденция к употреблению клишированных речевых оборотов, несущих ярко выраженный идеологический подтекст: *...отражающая исторически сложившуюся дружбу братских народов Советского Союза во всех областях культуры и науки* (ВЛ. – № 1. – 1984. – С. 219); *И естественно, ленинская концепция двух культур, которую Ю. С. рассматривает в связи с вопросами идейно-творческого развития советской литературы, имеет колоссальное значение для верного понимания характера общественно-политической борьбы в мировом масштабе* (ВЛ. – № 2. – 1984. – С. 159); *Весьма перспективными представляются работы, в которых на конкретном материале рассматриваются творческие взаимосвязи братских литератур* (ВЛ. – № 1. – 1984. – С. 224).

Использование идеологически наполненных языковых штампов способствовало деперсонализации текста рецензии, его стандартизации и, в конечном итоге, нивелированию языковой личности рецензента. Процесс отхода от употребления такого рода конструкций, то есть, по сути, изменение жанровой нормы, происходил в последнее десятилетие XX столетия. На замену несущим идеологическую нагрузку языковым клише приходит прием языковой игры, широкое использование прецедентных знаков, характерные для эпохи постмодернизма. Их наличие в научной рецензии выполняет аттракционную и рекламную функции: «Читатель призван размышлять, угадывать. Удачная разгадка порождает чувство удовлетворения и повышает читательский интерес. Трансформированная цитата создает языковую игру, которая составляет типическую особенность русского языка 90-х годов» [2, с. 30].

Например, *... улыбнитесь перед зеркалом, и у вас улучшится настроение* (ВЛ. – № 5. – 2000. – С. 341–342); *Это, кстати, всегда было очевидно для самого М. М. Бахтина, чьи негорючие рукописи, по свидетельству одного из очевидцев, долгое время пролежали в дровяном сарае...* (ВЛ. – № 9–10. – 1991. – С. 260); *Исполненные «желанием катастроф» отечественные культуртрегеры «серебряного порубежья», внимая «сумрачным иноземным «гениям», слишком часто и радикально преломляли «острый смысл» их речей в сознании «русских мальчиков»* (ВЛ. – № 6. – 2001. – С. 357); *Конечно, это не тот грех, который можно бы поставить поэту в вину, скорее его можно прочесть как грех Фауста, хотя и с оттенком Гумберта Гумберта* (ВЛ. – № 4. – 2003. – С. 335).

Жанровая норма научной рецензии формируется на основе общих требований к научным текстам и в полной мере выражает принципы объективности, логичности изложения, однозначности подачи научных фактов. Особенности жанровой нормы определяются тем, что речевой жанр является не только инструментом реализации специфических коммуникативных задач и целей, но также является исторически сложившимся представлением участников научного сообщества о принципах построения и содержании научного текста. Отсюда можно сделать заключение, что формирование системы жанровых норм происходит под влиянием определенного дискурсивного сообщества и – шире – общества в целом.

Рассмотренная на языковом материале динамика развития жанровой нормы позволяет говорить о том, что научная рецензия исторически является жанром,

предполагающим открытое выражение личности автора. Коммуникативная цель формирует выбор средств выражения категории оценочности, являющейся жанрообразующей для научной рецензии. Средства языковой образности и приемы языковой игры используются для реализации жанровой цели в соответствии с выбранной автором коммуникативной стратегией. Полученные данные позволили описать некоторые особенности жанровой нормы научной рецензии и специфику ее выражения в конкретных текстах рецензий. Системное изучение данной категории будет способствовать более глубокому пониманию функционирования жанра научной рецензии в научном дискурсе, что представляет перспективу для дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. **Долинин К. А.** Стилистика французского языка : учеб. пособие для ст-тов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.
2. **Земская Е. А.** Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–31.
3. **Котюрова М. П.** Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.
4. **Крысин Л. П.** Толерантность языковой нормы / Л. П. Крысин // Язык и мы. Мы и язык : сб. статей памяти Б. С. Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. – С. 175–184.
5. **Основы теории речевой деятельности** / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
6. **Рождественский Ю. В.** Общая филология / Ю. В. Рождественский. – М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.
7. **Яхонтова Т. В.** Лінгвістична генологія наукової комунікації : монографія / Т. В. Яхонтова – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – 420 с.

Надійшла до редколегії 25.02.13